

Иллюстратор

Семен Грила

Иллюстратор

*«Чтобы понадобился тормоз,
необходимо прежде всего колесо!
Добрые суть тормоз:
они сдерживают, они поддерживают».*
Фридрих Ницше

Мармарыкин был иллюстратором от бога. Но если другие иллюстраторы были художниками, то Степан Фёдорович иллюстрировал словом. Он придумывал аннотации к видам или картинам.

Последнее время, конечно, такая работа стала по плечу любому, особенно с появлением инстаграма. Каждый буквально творил на радость друзьям и знакомым, даже если у него их и не было.

Власть

«Власть держится на фундаментальном противоречии, которое требует одновременно личных действий для поддержки репутации вожака и ответственности перед стаей, которая, оставшись без лидера, может погибнуть. Потом, с развитием социума и разрастанием популяции, придумали лозунг “незаменимых не бывает” и сняли противоречие, правда, другое».

Примерно так иллюстрировал Степан Фёдорович картину с изображением Троцкого, отвечающего на вопрос балтийских моряков, стоит ли им поддерживать Кронштадтский мятеж.

Уверенность – вот что поражало в творчестве Мармарыкина. Он откуда-то знал, что неопровержимость и красота его форм не поддаются критике. Если это критика.

Быт

В быту Мармарыкин был прост как три рубля. Он жил в той же самой питерской коммуналке, где когда-то родился. Его матери много раз обещали расселение. Потом она получила еще одну комнату от уехавшего соседа, и ее сняли с очереди на расселение. Потом дом поставили в очередь на реконструкцию, которая пока так и не началась.

Он любил свой двор-колодец, воспетый, как и тысячи других дворов, несколькими поколениями творческих людей, выбившихся и не выбившихся в люди. Ну в смысле ставшими заниматься творчеством осмысленно.

Он любил лежать на диване, курить и смотреть через высокое окно на облупившуюся штукатурку соседних стен. Вернее, одной стены – напротив.

Колодец – он такой... он обступает тебя со всех сторон, думал Мармарыкин и шел в туалет.

На обратном пути он заходил на кухню. На таких общих кухнях был определенный уклад, не стиль, а именно уклад. Свои шкафчики, свои конфорки на плите. Вернее, не свои, а каждая для чего-то.

Он поставил чайник, закурил, хотя последнее время это строго преследовалось новыми соседями, приехавшими из Узбекистана.

Ну что тут скажешь? И Мамарыкин молчал.

Он был высокий, нескладный, с длинными непропорционально ручищами, глубоким голосом оперного певца и бородой – седой, вечно всклокоченной. Такой вот ветеран коммунальной жизни Ленинграда.

Во времена его юности модно было говорить Питер, а теперь часто тянуло сказать Ленинград. Все комично меняется, подумал он под свист чайника. Он подхватил его и пошел к себе.

Мама умерла, и он жил один. В двух комнатах. Уму непостижимо.

Да, в школе его прозвали Мармар. Так пошло и дальше. В общем, художника в простонародье звали Мармар. Так бывает.

СЫН

Годам к семидесяти Мармар осознал, что природа зовет его за границы малых форм, так сказать, в большую литературу, в смысле к длинным текстам. Он чувствовал себя не только художником, но и писателем.

Начал было большой текст под условным названием «Пионеры», но шел он трудно, и Мармар нервничал.

Суровцев Михаил Дмитриевич был его приемным сыном, пасынком. Да, Мармар был грешен. Женился однажды, с бухты барахты, и быстро развелся. Как-то сразу стало понятно, что не пойдет эта иллюстрация в печать. А Мише тогда было двенадцать, и отношения появившиеся сохранились. Удалось.

Теперь сорокапятилетний Суровцев был толстым дядькой, веселым, остроумным и богатым. Он был бизнесменом. Инвестиционным банкиром. Ну, в Советском Союзе таких называли спекулянтами. Мармар помнил таких, а Миша – нет. И это было для него хорошо.

Он навещал Мармара раз в месяц или в два. Регулярно. Кормил и поил всех, кто подворачивался ему в коммуналке в это время. Много раз предлагал купить Мармару квартиру, но Мармар отказывался, а Суровцев не покупал.

Так и жили. Миша на Лазурке, а Мармар в колодце. Они часто спорили о сущности бытия, и всегда выходило так, что коммуналка и Лазурка представлялись двумя сторонами одной медали. И это устраивало обоих. Им было хорошо в своих домах.

Мама Миши умерла, и это тоже как-то дополнительно сблизило, дополнило ценность друг друга. Отсутствие материальных претензий тянуло отношения в духовную высь. Которая не обременяла. И они от этой легкости бесконечно пребывали в эйфории – как уже было сказано, раз или два в месяц.

Вот и сегодня они смеялись, размахивали руками, цитировали, рассказывали случаи из жизни. Ну в смысле пили водку.

– Как твой роман, кстати, поживает? «Пионеры»? – спросил Миша

– Никак, – сказал Мармар.

– Что так?

– Тупик. Все как-то однообразно.

– Расскажи – вместе прорвемся.

– Вожди – все пионеры, каждый в чем-то был первым. Ну кто-то первым насрал на простыни в арендованном доме, кто-то первым убил наследников-конкурентов, кто-то первым не заплатил дань, кто-то спасся от покушения. Ну в целом все правильно, но скучно. Я, наверное, заложник своей иллюстративности. Может, и тема отсюда. Такие картинки веселые и не очень. И все. Ни смысла, ни души. Пошло и скучно.

– А ты масштабируй.

– Это как?

– Возьми историю всей цивилизации. Ну, там, шумеры или Вавилон. Навуходоносоры всякие. Тоже были в чем-то первыми.

– Может быть.

– Ну!

– Может, ты и прав.

– Ну!

– Подумаю.

– Издавать собираешься?

– Не знаю пока.

– Я буду издателем.

– Одни убытки. Зачем тебе. Издать дорого. Я знаю затраты: если не экономить на бумаге, не отбиваются с продажи.

– Ну, посмотрим. Для меня дело новое. Хочу попробовать. Не откажешь?

– Ладно, – недоуменно сказал Мармар, – издавай.

Они еще долго гудели. Ушел Миша совсем поздно. Коммуналка давно спала.

Женщины

Мармару нужны были женщины. Утилитарно. Чем дальше, тем утилитарнее. Ни разговоров, ни эмоций. Секс. Торжество животного начала – и всё. До свидания или прощай.

Он разрешал себе это не часто, но разрешал. Он любил себя. Возможно, не как другие. Все любят себя. На этом держится мир. На однообразии разнообразия, хотя лучше было бы на разнообразии однообразия.

Мармар задумался и решил вставить нечто подобное в книгу. С утра не работалось совсем, а ему подходил срок сдавать иллюстрации одному въедливому галеристу, который решил украсить выставку какого-то проходного художника репликами иллюстратора.

Вот ведь беда с этими коммерческими заказами, подумал Мармар, и это была вторая мысль за утро.

Не к добру, решил он. И опять запретил себе думать хотя бы час. Мысли тут же полезли в голову как не знаю что. Выломали дыру в мозгу. Случился проходной двор мыслей.

– Послушай, Мармарыкин, – сказала ему на лестнице в издательстве старая мымра Анфиса Павловна, – ты бы уже завязывал стенографисток наших к себе домой таскать. Ты, конечно, звезда, и тем не менее.

– Нет, нельзя смешивать вождей народных с царями или с ханами. Решительно запрещаю вам, Мармарыкин, – твердо глядя ему в глаза, сказал Владимир Ильич.

Мармарыкин с трудом заделал дыру в голове и попытался вернуться к иллюстрациям. Хорошо позвонил галерист и вырвал его окончательно из лап фантазмагорий. Повезло. Значит, он сойдет с ума не сегодня.

Добрый путь

Мама Мармара была библиотекарем. Она говорила: путь к совершенству до хорошего не доведет.

Он слышал эти слова много раз и каждый раз внутренне был против. Как может совершенство быть не добрым. Он был против, пока не понял: мама говорила не про совершенство, а про путь. Открылись глаза, и всё встало на свои места. Мама – это мама.

Мармар сидел над книгой, освободившись, наконец, от заказа полоумного галериста. А она не двигалась с места. Не было внутреннего механизма, который писатель заводит – и тогда пошло-поехало. А его демоны куда-то делись. Может, не нужна эта книга. Эти пионеры. Другие времена. История уснула.

Она не знает, что сейчас идет какая-то жизнь, какая-то другая, что ли, история.

И тогда начал Мармар писать сказку про историю. Наверное, потому что никак не мог попасть в свою коммуналку. Он все ходил по коридору, заглядывал в двери и ничего не узнавал. Он чувствовал: что-то не так, а что – понять не мог.

А потом, когда он исписал много страниц, пришел Миша и сказал:

– Ну как ты тут, старик?

– А ты как меня нашел? – спросил в ответ Мармар.

– Да вот так, искал и нашел. Соседи твои доблестные тебя сюда определили, пока я был в командировке.

– Почему? И где это «сюда»?

– Говорят, ты на последней работе с иллюстрацией выставки как-то очень сильно напрягся. Бегал голым, звал маму. Вот они и вызвали «скорую».

– А! Значит, это дурдом.

- Он самый.
 - То-то я и думаю – все какие-то ласковые и незнакомые.
 - Ага.
 - А я что-то потерял где-то в себе и не нашел. Расстроился.
 - Понятно. Ну вообще тебе придется побыть тут немного, а потом тебя отпустят, и я тебя заберу.
 - Хорошо.
 - Подозрительно.
 - Я теперь покладистый, все потерял. Механизм.
 - Да, это механизм. Я тебе вот поесть принес, и бумаги, и карандашей. Говорят, ты их жутко изводишь здесь.
 - Спасибо тебе, – Мармар смотрел на Суровцева, как тот суетился, доставая все новые яблоки, и понимал, что всего этого нет. Наверное, действительно, если добрая дорога, то результат не важен.
- Я понял Кастанеду, подумал Мармар, встал и вышел.